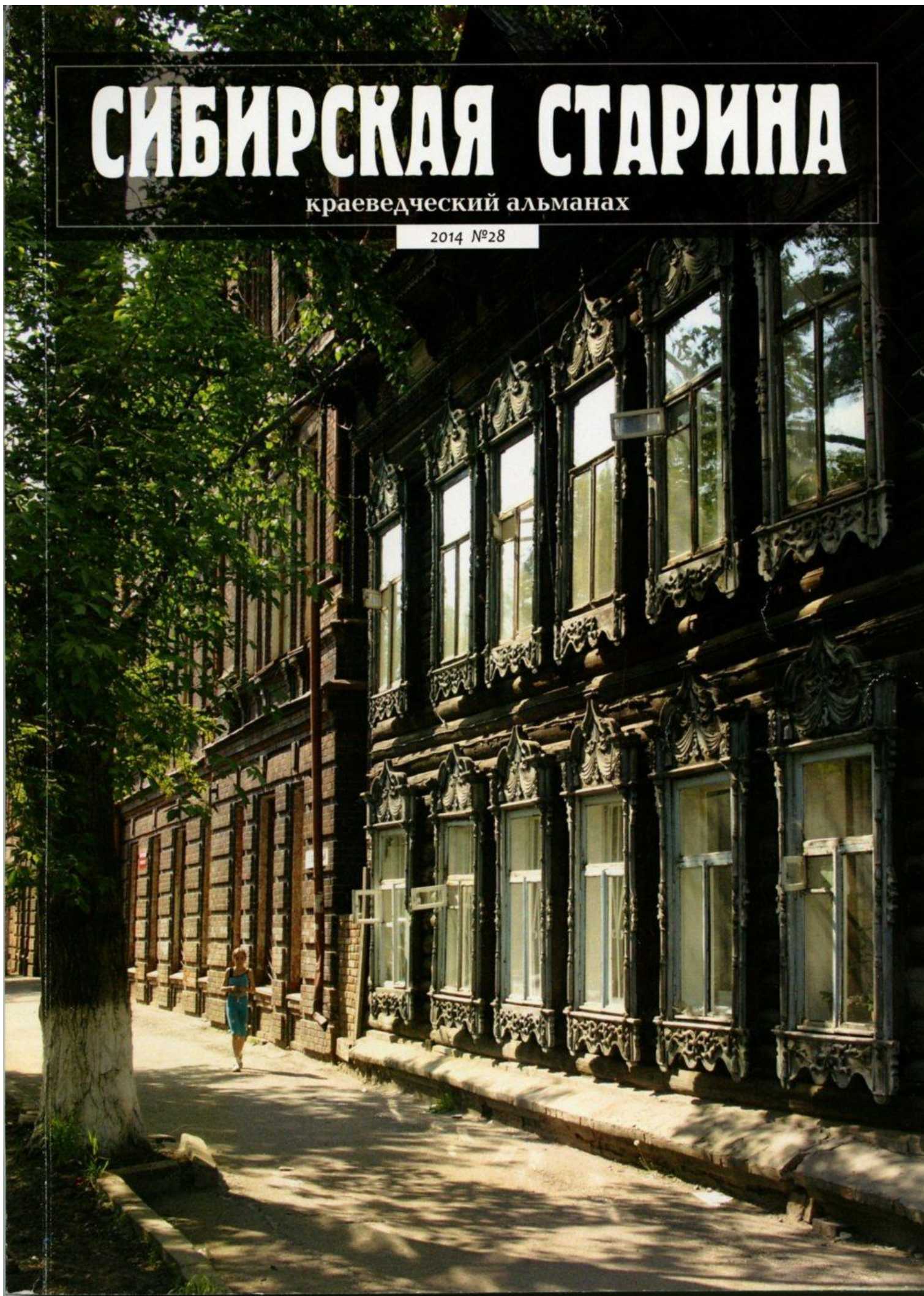

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

краеведческий альманах

2014 №28

Галина Кан

ДОМ В КОЛПАШЕВСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

1967 год. Первый курс историко-филологического факультета ТГУ – ИФФ. У группы историков, прикрепленной к кафедре новой и новейшей истории, шесть часов иняза в неделю. Половина группы, так сложилось, занималась английским языком, другая половина – немецким. Занятия вели преподаватели кафедры иностранных языков, супруги Курман. Макс Ханонович преподавал английский, а в моей немецкой подгруппе занятия вела Эсфирь Григорьевна – высокая статная женщина с темными, красиво уложенными волосами и строгими карими глазами. На первых же занятиях выяснилось, что мы все едва умеем читать по складам, и Эсфирь Григорьевна начала методично и терпеливо приучать нас к беглому чтению. При этом и все остальное – по программе.

Единственную студентку из нашей подгруппы Э.Г. отличала и явно к ней благоволила, давала ей персональные домашние задания и оставалась очень довольна их выполнением. Это была Лена Круzman, при более коротком знакомстве с которой я поняла, что ее отец, эстонец по происхождению, был выслан в Сибирь перед войной из Таллина. Благоклонность преподавателя к нашей однокурснице удив-

Дом в пер. Рузского, 9 (бывш. Колпашевский). В квартире на первом этаже (два окна слева внизу) в 1930-х проживал ссыльный философ Г.Г. Шпет, ему посвящена памятная доска, установленная в 1989-м. В пятидесятых квартиру снимала семья Курман, позднее ее занимала семья Меломед, родителей автора статьи.
Фото Г.И. Кан, 2008.

ления у нас не вызывала: Лена окончила «немецкую» спецшколу № 6, и вроде бы Э.Г. там тоже работала...

Ну, а у нас, простых смертных, – навыки разговорной речи, чтение и пересказ исторических и политических текстов, переводы с немецкого (так называемые «тысячи», которые мы сдавали зачетом). Было стыдно

друг перед другом показаться несостоятельным, а еще очень неудобно при ошибках под недоуменно-вопросительным взглядом Эсфири Григорьевны. Она не ругала, не укоряла, она только смотрела с недоумением... И мы как-то очень быстро подтянулись. Мне показалось, что она вскоре даже гордиться стала нашей подгруппой. А «англичане» были в восторге от Макса Ханоновича, от его знания языка, общей эрудиции. Он общался со студентами, рассказывал об Англии. Говорили, что он окончил Оксфорд.

По молодости, по незнанию подлинной советской истории мы как-то не задумывались, каким образом в Томске оказались такие люди с европейским образованием. Высокий класс преподавателей Томского университета был тогда известен и казался привычным. И только позже я вспомнила одно из занятий по немецкому языку. Мы должны были рассказывать по-немецки о себе. Меня вызвали к доске, и, когда я в своем рассказе назвала адрес проживания — улица профессора Рузского, 9, преподаватель поинтересовалась, где это. Я объяснила, что это бывший Колпашевский переулок, недавно переименованный. У

Преподаватели кафедры иностранных языков ТГУ. В первом ряду, слева направо: Л.Д. Лившиц (с маленькой дочкой), Р.А. Рольбанд, И.С. Либкинд, М.И. Сойхер, Э.Г. Курман, М.Х. Курман, Г.Н. Циванюк, И.И. Травина (с дочкой лаборантки Н. Перумовой на руках), С.У. Родионов, И.М. Будинская, М.Н. Нудельман. Во втором ряду, 7-я слева — А.А. Кушлина, крайняя справа — А.А. Цыба. В третьем ряду, 5-я слева Э.Б. Дубинская, 6-я — С. К. Гураль, 9-я — С.М. Брестовицкая. Фото 1975 г. Предоставлено А.А. Цыба.

Эсфири Григорьевны странно округлились глаза, и после минутного замешательства она предложила продолжить рассказ. Я это замешательство преподавателя объяснила себе возможной ошибкой в своем тексте... Но вот спустя какое-то время, мне попала в руки старая домовая книга.

Тут надо сказать, что наша семья проживала в центре города, в частном деревянном двухэтажном доме на четверых хозяев. Две квартиры внизу, две — вверху. Наша четвертушка на первом этаже была куплена в 1962 году у Симы Минеевны Виленчик, которая до этого владела всем низом, а ранее, веро-

ятно, и всем домом. Теперь она стала нашей соседкой. Это была живая, общительная, очень любознательная, уже в годах, дама. Две взрослых дочери, которыми гордилась, внуки-подростки, сестра в Ленинграде. При более близком знакомстве мы узнали, что ее рано умерший муж был известным в городе раскройщиком кожи. Что семья при нем жила в относительном достатке. Когда же не стало кормильца, то жили на доходы от сдаваемого в наем жилья. Квартировали обычно люди интеллигентные, и даже ученые (вот не расспросила-то я ее о них в свое время, о чем глубоко теперь сожалею). Много лет спустя стало известно, что в квартире № 2 (то есть в нашей квартире) с декабря 1935 года по октябрь 37-го жил сосланный в Сибирь философ Густав Густавович Шпет. В 1989 году, 16 ноября (день расстрела Шпета в застенках Томского НКВД), на доме была установлена мемориальная доска. На церемонии присутствовали и выступали дочь бывшей хозяйки квартиры С.В. Виленчик и внучка Маргарита Добрусина.

В молодости фамилия Шпет мне ничего не говорила, а в одном из старых томов домовых книг бросилась в глаза фамилия Курман. Оказалось, что в 1950-х Макс Ханонович и Эсфирь Григорьевна Курман снимали квартиру у Виленчик, ту самую, в которой потом поселилась наша семья. Но Эсфирь Григорьевна, узнав, где я живу, ни словом не обмолвилась об этом факте. Правда, когда мы оказались однажды пешими попутчиками по дороге из университета домой (Курманы тогда с двумя детьми-подростками жили в деревянном доме на улице Крылова, и до «громовской» бани по переулку Плеханова нам было по пути), Э.Г. расспрашивала меня о родителях, о семье, об условиях проживания. С сочувствием отнеслась к нашей истории — пятеро на 12 квадратных метрах, кухня-прихожая не в счет. И ни слова о том, что жила в этой же квартире, что знает С.М. Виленчик. Видимо, еще не все можно было бывшим невольным сибирякам говорить о себе даже в конце 60-х годов.

Об административно-ссылных мы стали постепенно узнавать только к девяностым годам. А я, работая в архиве, занялась инициативным документированием, записывала воспоминания, которые легли в основу архивного фонда-коллекции «Томичи о времени и о себе». И едва ли не в каждом воспоминании — тема репрессий, истории, связанные с адми-

Э.Г. Курман (справа) принимает экзамен, ей ассистирует М.Б. Алексеева (в центре).
Фото 1975 г. Предоставлено М.Б. Алексеевой

нистративной высылкой в Сибирь жителей западных регионов страны. Записала рассказ старшего преподавателя кафедры иностранных языков ТГУ Соло Германовича Шифриса. Не зная историю Курманов, смею предположить сходство ее с судьбой Шифриса, чей жизненный путь прошел через Черновцы — Париж — Новый Васюган — Томск.

Я пыталась расспросить о Курманах бывших сотрудников кафедры иностранных языков. Удалось узнать, что они оказались на томской земле поневоле, что родной дом их был в Латвии, что Макс Курман окончил Манчестерский университет. Анна Яковлевна Цыба вспоминает о семинарах, на которых Макс Ханонович рассказывал по-английски о странах, где побывал, об учебе в Англии. По совету М.Х. преподаватели стали посещать книжный магазин «Искра» на проспекте Ленина, в котором открылся отдел по продаже иностранной литературы. Чтение книг на английском языке, общение с М.Х., практически — носителем языка, помогали ликвидировать пробелы в разговорной речи.

Примерно в начале семидесятых Курманы уехали на жительство в Ригу, где вроде бы Макс Ханонович, получив наследство, сумел купить дом. Позже эти славные люди уехали в Израиль, а их дети — сын и дочь — остались в Латвии.